Говард Фаст — псаломщик ревизионизма

◇

Н. ГРИБАЧЕВ

◇

Человек, обладающий элементарным чувством собственного достоинства, объясняет свой поступок, особенно неприглядный, единожды, а не кричит о нем на всех перекрестках на потеху зевакам и мальчишкам. Говард Фаст, картинно, в расчете на шумную рекламу, порвавший с американской коммунистической партией, ни на минуту не может притормозить своих покаяний, захлебываясь от спешки, дает интервью желтейшим из желтых журналистов, пишет письма, статьи, целые книги, доказывая, что он был слеп, но прозрел, а миллиард граждан социалистического мира и сотни миллионов в этот мир верящих и сочувствующих ему впали в слепоту, поскольку не хотят оценить красоту фастовского отступничества.

«На! — сует он самодельный микроскоп в руки истории, — гляди, как раздеваюсь я догола и ковыряю душевные нарывы свои!» И — нервничает, раздражается, поскольку у современной истории много дел поважнее; и — впадает в истерику, поскольку мир социалистический, как говорится, и ухом не ведет под игрушечными фастовскими молниями и жестяными громами. И даже те самые желтейшие из желтых, в чьи жилетки ронял он слезу блудного сына, пренебрежительно называют его покаянную книгу «худосочной» и пророчат ей «второстепенное место» среди произведений такого рода. Есть от чего взвыть распухшему самолюбию!

Но даже муха, если она долго бьется о стекло, начинает надоедать, и хочется сделать что-либо, чтобы избавиться от ее претензий на внимание. Именно эта эстетическая и санитарная проблема побудила меня взяться за перо, чтобы сказать несколько слов в адрес Говарда Фаста.

Среди литераторов бывают люди, которые даже через очевидную идейную пропасть пытаются перебрасывать хотя бы шаткий мостик компромисса, чтобы поболтать на этом опасном сооружении о преимуществах мужской рифмы перед женской или о сравнительных достоинствах поэзии Верлена и Суинберна. Я в полезность такого строительства не верю, поскольку в достатке видел, что от идеологического кокетства и духовного блуда рождается только одно уродливое дитя — двурушничество. Лучше дискутировать с честным противником, чем ворковать с хамелеоном. Поэтому я не намерен укорять Говарда Фаста, а хочу просто подвести некую черту под первой серией его истерических покаяний и наивных поучений. Думаю, что последует вторая, — катящемуся вниз не остановиться, — но это другой вопрос.

Политическая сущность фастовской метаморфозы, — а сам Говард Фаст эту именно сущность и подчеркивает в первую очередь, — определяется весьма просто с помощью любого словаря: ренегатство, переход на сторону противника. Само по себе явление это не новое, малооригинальное, и Говард Фаст не первый, кто вылетает под откос на крутых поворотах революционной истории и коммунистического движения, кто попадает в объятия реакционной буржуазии и становится для нее на некоторое время выгодным объектом политической эксплуатации. Причина, которая порождает явление это, ясно названа в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий: это — ревизионизм, или правый оппортунизм. И к каким бы терминологическим и иным ухищрениям современный ревизионизм ни прибегал, — дудок тут слышится много, а музыка одна! — политическая его сущность в конечном счете остается той же, как ее определил Ленин: «сотрудничество классов, отказ от диктатуры пролетариата, отказ от революционных действий, безоговорочное признание буржуазной законности, недоверие к пролетариату, доверие к буржуазии». Говард Фаст, — и за это его не похвалят ни разношерстные ревизионисты, ни новые хозяева, — стремится возможно полнее оправдать ленинское определение: он прямо заявляет, что не терпит демократию социалистическую и обожает капиталистическую, он отказывается от революционной борьбы, предпочитая ей, да и то робковато, гомеопатические дозы реформизма, он не доверяет социалистической законности и восхваляет законность капиталистическую, а сверх всего еще уснащает платонические разговоры о «братстве» прокисшим соусом национал-шовинизма.

Выплескивая на страницы буржуазной прессы под видом новой системы убеждений и морали кислую эклектическую окрошку, Говард Фаст полагает, что его уход из коммунистической партии пробил непоправимую брешь в социалистическом движении. Это — обычное заблуждение человека, вздумавшего определять свой рост по тени, которую он отбрасывает на закате. Что случилось особенного? Ничего. В условиях непрерывного столкновения идеологий капитализм все еще отрывает от социалистического движения отдельных людей, но сам при этом с катастрофической быстротой теряет неизмеримо больше — массы. Такова логика истории, и мы, люди, мыслящие диалектически, процесс этот понимаем и расцениваем оптимистически.

Но легко на фактах проследить и еще одну немаловажную особенность этого процесса: к социализму обращаются массы людей в поисках человеческих идеалов правды и равенства в их конкретном выражении, в их реальном воплощении, перебежчики же на сторону капитализма, если не считать продающихся и покупаемых за чистоган, — это обычно люди малых социальных познаний и непомерных претензий, ревизующие науку об обществе по догматам обывательского катехизиса, предпочитающие словесную шелуху, терминологическое конфетти реальному деянию в пользу ближнего своего. На поверхности они держатся недолго, лишь до тех пор, пока рекламируют свое отступничество, а потом уходят из общественной жизни, словно камень в болото.

В свое время операцию открещивания от коммунизма проделал Андрэ Мальро, приукрасив ее кокетливыми рассуждениями о «всеобщей человеческой морали», «поисках высшей истины», «правах человека», — а где он теперь? Как пишет журнал «Пари матч», Мальро «сменил кожаную куртку, в которой он воевал в Испании, и свою одежду периода Сопротивления на халат и домашние туфли, составляющие атрибуты парижского комфорта». И пусть обливаются кровью алжирские патриоты, пусть темнеет от мрачных перспектив в глазах у рядового француза, Мальро нашел свою «всеобщую мораль», свою «высшую истину», обрел свои «права человека» — залез в домашние туфли! С тех пор мир социализма превратился из замкнутого моря в океан, вырос с двухсот миллионов человек до миллиарда и ныне составляет треть человечества... Вот почему мы так спокойно отнеслись к уходу Говарда Фаста — это ведь в первую очередь и главным образом потеря для самого Говарда Фаста.

Все, перекладывающие идеологический руль на сто восемьдесят градусов в сторону капитализма, болеют одной общей слабостью — любят длинно и путано повествовать о мотивах своего поведения, становятся похожи на человека, который каждому встречному на улице старается втолковать, что новый костюм он купил, а не украл. Однако Говард Фаст не довольствуется и этой прерогативой: подобно дикарю, он в бешеном экстазе оплевывает бога, которому только что поклонялся, — от того, что называет он его теперь «обнаженным идолом», сущность ритуала не меняется. И некому сказать ему при этом: послушайте, Говард Фаст, выпейте бутылку кока-кола, которое, как говорят, тонизирует и проясняет мысли, погуляйте по Бродвею, который так любите, и, приведя нервы хотя бы в относительный порядок, поймите, уясните подлинную соразмерность случившегося: в области художественного творчества вы человек не без таланта, но до титанов общественной мысли вам далековато, и потому в роли властителя умов, на которую столь бесцеремонно претендуете, выглядите весьма и весьма комично. Меняйте себе партийный билет на чековую книжку Манхэттен-банка и живите, как можете, не впадая в дешевку самопреувеличения... Но до Говарда Фаста, и это можно сказать с полной уверенностью, доводы разума дойти не могут, поскольку он, как следует это из его собственных саморазоблачений, никогда сильным логическим мышлением не обладал.

На первый взгляд кажется, что Говард Фаст ушел из коммунистической партии. На самом деле, если исходить из глубокого существа, а не формальной принадлежности, он в ней никогда не состоял, потому что шел к ней не за тем, за чем идут, и видел в ней не то, что она есть в действительности. Он просто ошибся дверью. Называя теперь силы, которые его «привели к коммунизму», он особенно ссылается на «веру в добро и неизбежное братство людей».

Намерения как будто благие, но веру в добро в общей форме, а подчас и спекулятивно, проповедуют многие — от ораторов армии спасения на Сорок второй улице Нью-Йорка до ракетного апостола Спаака в Бельгии и Генри Кэбота Лоджа, тени Даллеса в ООН. Все дело в том, какой смысл вкладывается в это понятие и как понимается путь к нему.

Говард Фаст объясняет это так: «Пребывая в этой вере, я постиг идеи равенства из пророческих учений иудейства, любовь и братство человека, проповедуемые Исайей, и мораль с позиций обездоленных и угнетенных Иисуса Христа». Яснее не скажешь! Ну, и шел бы себе Говард Фаст, если исповедует религию отцов своих, в синагогу, или, если предпочитает католичество, к папе римскому — мы, коммунисты, уважаем религиозные воззрения других людей, исходя из принципов свободы, и не стали бы вмешиваться в отправление обряда. Шел бы и простирал руки к подножию престола господня, взывая о ниспослании братства с выси небесной и предоставив нам, коммунистам, и иже с нами добывать это братство в поте лица для людей на земле.

Но по слабости веры, а также исторических и социальных познаний Говард Фаст решил объединить в удобном для себя, но в противоестественном союзе Карла Маркса с Иисусом Христом и Чарльза Дарвина с евангелием от Луки, попытался рассматривать борьбу рабочего класса сквозь кадильный дым воскресных богослужений и усматривать силу его — в поклонах и молитвах. Однако богам люди поклоняются тысячелетия, и не только в пределах одной религии, а путь к практическому осуществлению социализма шел через научный марксизм — факт, осознанием которого ныне вооружает себя всякий, желающий понять свое время. И не был путь этот усеян розами, и были на нем жертвы и ошибки, — не ошибается ведь только тот, кто в упоении, как тетерев на току, бормочет обсосанные филистерами всех времен общие фразы о добре и благе и ничего практически для этого добра и блага не делает, кто, надев халат и сунув ноги в шлепанцы, покрикивает на строителей и борцов: «не так», «не то», «не сюда». Теперь Говард Фаст хвастливо заявляет: «Я стал марксистом своего собственного склада».

Нескромно сие и невежественно. Были уже в истории такие «марксисты» с кадилами, материалисты с библиями, охотники путать «Отче наш» с «Интернационалом», — были в качестве самой нелепой разновидности ревизионизма и ушли в небытие по неспособности к историческому деянию. Говард Фаст мог знать и оценить это, если бы использовал свое пребывание в партии для приобретения знаний, но, как говорят сведущие люди, он предпочитал всему этому «роман с богиней успеха». Не случайно портрет его пишется следующим образом: он в партии был «оракулом по любому вопросу — от прав негров до социалистического реализма; он занимал посты, которым не соответствовал... Говард Фаст, таким образом, стал орудием обмана, хотя и был его первой жертвой. Он получал премии, фотографировался, принимал предложения писать на всевозможные темы для журналов в далеких странах, чьи редакторы посылали ему телеграммы, словно он был мировой величиной. Веньямин Франклин нашел бы это смешным. Говард Фаст не смеялся. Он был смертельно серьезен»... Нелестный, уничижительный для литератора портрет этот написан не противником, а соратником Фаста и проливает свет на многое в его нынешнем поведении: он использовал для самовозвеличения сначала свое пребывание в партии, а теперь использует для того же самого — для взвинчивания цены на собственную персону — свое отступничество. Игра не новая и малопочтенная.

Изначальные покаяния Говарда Фаста могли бы послужить наставлениями по усовершенствованию уличной брани, пароксизмы истерии перемежались в них с описанием персональных физических недостатков и физиологических ощущений, — «я был близорук», «пишу это с отвращением и тошнотой», — но были они настолько бедны фактами и продуктами мысли зрелой, что разочаровывали даже буржуазную печать. Ничего нового он не обрел и не возвел, а лишь повторил, хотя и на более низком стилистическом уровне, штампы самой примитивной реакционной пропаганды, слегка принарядив их в библейские одежды.

Если взять самое существенное из его «открытий» после того, как из близорукого он стал «дальнозорким», то будет это выглядеть так: коммунизм — аморален и устарел; в Советском Союзе «за сорок лет произошло чудо», но это чудо — «аморально», поскольку достигнуто под руководством коммунистической партии, а не пророка Исайи; раввин «Акиба поддерживал Бар Кохбу в его славной, заранее обреченной на провал борьбе против Рима», и сие — морально, а Советский Союз оказал помощь венгерскому народу в борьбе против контрреволюции, и сие — уже «аморально»; в Советском Союзе, действительно, построен социализм, но это — «социализм без морали».

Впервые в истории человечества коммунисты, принося неслыханные жертвы, возглавили движение народа в борьбе против мерзости, бесчеловечности и лицемерия старого мира, осуществили равенство людей и равенство национальностей, сделали труд осмысленным, включили массы в историческое творчество, вернули жизнь задушенным и замученным народностям, подняли над планетой призыв к миру, распахнули дверь в космическое пространство, своим примером и бескорыстной поддержкой помогли и помогают миллионам людей покончить с проклятием колониализма. В этой работе коммунистической партии и советскому народу мешали не только пушки и штыки перепуганного капиталистического мира, не только диверсанты и шпионы — мешали также перевертни и сладкогласные разносчики смертельного яда с засиженными мушиным племенем этикетками «объективности», «свободы творчества» в смысле свободы ковырять свои гнойнички, поплевывая на дела и чаяния народа, мешали пошленькие моралисты и дремучие ханжи, самодовольно поучающие человечество со своих куриных насестов. Даже леди из обществ покровительства животным и дамы из кружков рукоделия брались за исправление коммунизма применительно к интересам болонок и узорам салфеток. Теперь перед гигантски разросшимся миром социализма замельтешил Говард Фаст с цитатками из библии и зажатыми в кулачке рецептами по переделке и исправлению этого мира. Перепуганный обыватель, он пытается быть судией и обвиняет — «вы совершили ошибки!»; «сам себе марксист», он

(Окончание на 4-й стр.)

Говард Фаст — псаломщик ревизионизма

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

кромсает историю, подклеивает марксизм к евангелию и, путая законы экономического развития с заутренями и обеднями, поучает: «Откуда взялись пророческие книги Израиля, проповедь Иисуса Христа, если не с измученных губ угнетенных?.. и разве не это этическое содержание послужило основой для первой революционной идеологии в борьбе против феодализма?» Задним числом он хотел бы подменить штурм Зимнего дворца в октябрьскую ночь крестным ходом, залпы «Авроры» — слезливой проповедью о пользе лобызания с врагами свободы. Перефразируя одно хлесткое выражение, можно по этому поводу сказать: «Слюнотечение ревизионизма».

Кстати, а где же обнаружил Говард Фаст мораль? У Американской Демократии, которую он так с большой буквы и пишет. Вот уже воистину по пословице — «На дно покатишься, так и за бритву схватишься»! Ведь от морали, которую пытается сделать всечеловеческим образцом Говард Фаст, — а до него это делал мистер Даллес, расхваливавший на всех перекрестках «американский образ жизни» и прикусивший ныне язык по причине уличения во лжи, — от этой морали ныне по всему земному шару начинают шарахаться стар и млад, потому что она означает: истерию войны и гонки вооружений, атомные авантюры и водородные вояжи над головами французов и англичан, самоубийство для Европы в форме ракетодромов, новый колониализм и старый расизм с Литл-Роком и судами Линча, высшую в мире статистику преступлений, патологические и растлевающие юношество фильмы, новую волну обездоленных с новым приливом безработицы, упадок образования и многое, многое другое. Это и есть самые жгучие, самые очевидные и всеобщие проявления современной американской «морали», — проявления, которые отмечаются всей мировой прессой, — и нельзя их спрятать ни за традиции Линкольна, ни за демократизм Джефферсона. Но, став «дальнозорким», Говард Фаст не видит этих фактов вокруг себя, вернувшись блудным сыном в лоно капитализма, он жаждет стать святее папы и хвалит американизм даже за то, за что с нелегким сердцем его критикуют и такие многоопытные, знающие и в глазах людей более весомые американцы, как мистер Херст.

Получается забавная вещь: Говард Фаст утверждает, что он «прозрел», а факты говорят, что он заработал по бельму на оба глаза. И это — жестокий урок: не надо лезть в мировую политику с интеллектом и мышлением церковного служки.

Снимая слой за слоем с покаяний Фаста напластования лжи и самодовольного невежества, обнаруживаешь любопытные трюки. С неистощимой яростью он поносит Коммунистическую партию Советского Союза за то, что в свое время Берия и его креатура учинили расправу над многими невинными людьми. Было это? Было. Но обнаружила это, предала гласности, исправила все, что было нужно и можно исправить, сама Коммунистическая партия. Один умный банкир сказал, что осознать даже трагическую ошибку — это уже сделать шаг к ее исправлению, а исправить — значит совершить акт высокой морали. Писатель Говард Фаст в диалектике добра и зла неразвитее и ниже банкира: не утруждая себя размышлениями и исследованиями, он стал в театральную позу прокурора и загремел избитыми словесами мимо исправления, только по следам давней ошибки. «Подвиг» такого рода — высказываться после всех и повторять то, что сказано другими, — стоит недорого, широко общедоступен, а смотришь, авторитет праведника и подзаработаешь.

Однако примечательно еще и то, что, даже став в позу прокурора и сострадальца, Говард Фаст не обнаруживает ни подлинной справедливости, ни истинного сострадания: настойчиво, из статьи в статью, оплакивает он невинно осужденных советских граждан только одной национальности и ни слова сочувствия не находит для невинно пострадавших граждан других национальностей. Почему? Разве у одних людей кровь, а у других водица? А как же быть с христианским братством, которое умиленно проповедует тот же Говард Фаст?

Для того чтобы пролить свет на этот вопрос, необходимо обратиться к высказыванию Говарда Фаста, которое сделано спустя несколько месяцев после агрессии империалистов в Египте. Вот что пишет Говард Фаст в марте 1957 года: «В ноябре 1956 года премьер Булганин послал ноты Англии, Франции и Израилю. Ноты Англии и Франции были разумны и приемлемы по тону; нота Израилю была составлена как ультиматум, в тоне резком и оскорбительном. Поскольку Израиль был наименее виновен из всех трех и единственный, который действовал в целях непосредственной национальной безопасности, нескрываемая предвзятость была очевидна и знаменательна».

Вот теперь все ясно! Эстетическое и политическое существо Говарда Фаста было возмущено резкостью ноты Израилю, но не было возмущено тем, что Израиль первым начал агрессию, первым начал массовое убийство; Говард Фаст считает возможным пожалеть Бен-Гуриона, но при этом не находит ни одного слова жалости для убитых, сгоревших заживо, погибших под обломками Порт-Саида женщин, стариков, детей; Говард Фаст считает, что кровь и муки египтян в те страшные дни оправданы «национальной безопасностью» Израиля, а действия Советского Союза, прекратившие кровопролитие, — «аморальны», потому что развязавшее войну правительство Израиля надо было не одергивать, а поглаживать по головке; и еще Говард Фаст полагает, что англичане и французы окончательные бяки и прохвосты, а Израиль — получше... Становится похоже, что, поучая всех честности, добродетели, состраданию, Говард Фаст действует по удобному для себя принципу: «Честность — прекрасная вещь, если кругом все честные, а я один среди них жулик».

Но кто же такой после всего этого сам Говард Фаст? Марксист, хотя бы и «собственного склада»? Нет, потому что не считается с фактами и в социальных науках невежествен. Интернационалист? Нет, потому что интернационалист пожалел бы и египетский народ, и народ Израиля, которому эта война тоже не принесла радости, но осудил бы агрессивную политику. Ведь и мы осуждали не народ Израиля, а определенную агрессивную политику правящих кругов. Искатель правды? Нет, потому что правду не ищут, надев предварительно на глаза шоры национальной ограниченности. Истина состоит в том, что Говард Фаст не марксист, не интернационалист, а воинствующий сионист, маскирующий платоническими словечками о братстве настойчивую проповедь национальной исключительности. Это нужно сказать, чтобы принимать его за то, что он есть в действительности. Именно поэтому он путает Маркса с пророком Исайей, библию с «Капиталом», поэтому резкость советской ноты Израилю — оправданную резкость по отношению к агрессору в критический момент — он с иезуитской хитрецой расценивает как «формирование антисемитизма» в государственном масштабе.

Измышления дешевые, но буржуазная печать и радио разносят их широко.

И посему следует сказать об этом особо.

Каждый вправе быть тем, чем хочет и может, но среди многих дорог люди не только выбирают те, которые им кажутся лучше, а берутся и за нелегкое дело прокладывать новые в поисках будущего. Мы избрали свой путь не только в решении социальных, но и в решении национальных проблем, и мы первые в грандиозном масштабе преодолели одно из самых отвратительных и пагубных наследий прошлого — национальную рознь, за которой из глубин истории тянется широкий кровавый след. Поэтому мы считаем, что всякий расизм, всякий шовинизм, всякий антисемитизм могут только глубоко унижать человека и являются преступлением против общества и закона. Это и есть равенство, это и есть братство на деле.

А как поступает Говард Фаст? Сжульничав с фактами, он кричит: «держи вора!», проповедуя и защищая сионизм, прибегает к мимикрии и маскируется воплями об антисемитизме. Было уже все это, Говард Фаст, было! Но мы — интернационалисты и не станем создавать условия для процветания одного национал-шовинизма только потому, что кому-то в целях маскировки вздумалось вопить о другом национал-шовинизме. Это — прием избитый.

В этой же связи стоит и попытка Говарда Фаста представить борьбу против космополитизма, как еще одну из форм антисемитизма. До чего же низко нужно уронить достоинство писателя, чтобы заниматься такой очевидной подтасовкой, чтобы среди порядочных людей играть мечеными картами! Кто бы первый ни сказал «А» — никакого значения не имеет; значение имеет только то, что космополитизм как определенная идеология в настоящее время является орудием и оружием реакционной политики в ее посягательствах на национальную свободу и независимость и культуру.

При этом пробивание бреши в культуре и мышлении считается особенно выгодным — это «удар в солнечное сплетение». «Объединимся духовно в свободном мире», — призывали американские дельцы от искусства и захватили многие экраны мира стандартизированной и низкопробной голливудской продукцией, наводнили книжный рынок комиксами и уродующими психику и мораль бестселлерами. «Растворимся в мировом братстве», — вещали в свое время американские пропагандисты, и теперь американцы ездят во Францию без виз, а французы тех же прав при поездке в Америку не имеют. «Объединим рынок в интересах процветания всех», — говорили американские монополисты и продают в Канаду все, что считают нужным, но закрыли доступ канадской нефти в свои порты, ущемляя тем самым канадскую экономику. Вот тебе и мировое братство, вот тебе и всеобщее процветание! И подлинное назначение космополитизма, если судить по фактам, которых Говард Фаст избегает, а не по фразам, которые сыплются из него, как из худого мешка, состоит в том, чтобы прокладывать путь скрытому колониализму и открытому господству США над другими странами. Мы не приемлем идеологии космополитизма потому, что не хотим ни посягать на чужую независимость, ни поступаться своей, — в этом, только в этом и заключается подлинная суть дела.

Уязвимость покаяний и обвинений Говарда Фаста состоит в том, что он горазд на фразеологические фейерверки, но, трусливо втянув голову в плечи, все время увертывается от фактов. Буржуазная пресса, разочарованная по этой причине первой серией покаяний и «разоблачений» Фаста, с надеждой ожидала второй серии — заранее разрекламированной книги «Обнаженный идол», в которой Говард Фаст должен был «допокаяться» и «доразоблачить». Теперь книга вышла. Единственное, что в ней ново, — это требование Говарда Фаста, чтобы «коммунистическая партия в том виде, в котором мы ее знаем, прекратила свое существование». Щедринский бюрократ, подумывавший о «закрытии Америки», все-таки в конце концов одолел ту истину, что сие от него не зависит, но Говарду Фасту мудрость щедринского бюрократа оказалась не под силу. Куда разумнее проявил себя корреспондент газеты «Крисчен сайенс монитор», который счел требование Говарда Фаста «нереальным».

Кстати говоря, книга «Обнаженный идол» также не оправдала надежд буржуазной печати, явив зрелище не из приятных, не оправдала, хотя на ней стоит бешеная цена — четырнадцать рублей в переводе на наши деньги за 197 страниц интеллектуальной окрошки и эклектической неразберихи!

Однако из этого не следует делать поспешный вывод, что на отступничестве и клевете можно хорошо заработать: рецензии на книгу пока что короче воробьиного хвоста, кисловатые, и вряд ли разойдется даже первый тираж. Это и понятно — среди американцев гораздо больше спрос на книги о советских спутниках, о советской науке, культуре, просвещении. Мы — также за расширение контактов, и этому соответствует Соглашение между США и СССР в области культуры, техники и образования... Между прочим тот же корреспондент пишет о книге «Обнаженный идол» следующее: «...весьма сомнительно, что господин Фаст стал достаточно объективным, чтобы осознать истинный характер коммунизма». Единственной ходячей рекламой книги Говарда Фаста стал Гарри Шварц — тот самый желтый Гарри Шварц, в жилетку которого плакался первым интервью Говард Фаст. Вот уж поистине собралась парочка! А в общем не верят Фасту ни тут, ни там!

Самое последнее и, пожалуй, самое беспардонное сочинение Говарда Фаста — это послание советским писателям. «Группа смелых и наиболее талантливых венгерских писателей была приговорена к тюремному заключению венгерским судом», — пишет Фаст. Уточним: группа — это три человека, а о талантливости их Фаст ничего сказать не может, поскольку книг их ни при какой погоде не читал. «Все эти приговоры, — срывается на истошный визг Говард Фаст, — были вынесены потому, что данные венгерские писатели принимали участие в борьбе за национальное освобождение, к которой весь мир относится с симпатией и восхищением». Отметим: «борьба за национальное освобождение» — это вооруженное участие в мятеже, спровоцированном американскими разведцентрами, это расстрелы коммунистов у будапештского горкома партии, это повешенные вниз головой, горящие папиросы в лицо, живая кожа, вырезанная ножами на спинах. Это, наконец, антисемитский разгул гитлеровских молодчиков, пытавшихся организовать погромы, — короче говоря, самый отвратительный вандализм, самый откровенный и дикий садизм. Фотографии, на которых запечатлены зверства мятежников, обошли весь мир, с ними мог познакомиться и Говард Фаст. Осужденные принимали вооруженное участие в мятеже. Что касается «всего мира», который якобы к этому «относится с восхищением», то его адрес известен — это мир реакции, мир слепой и животной ненависти к социализму, это американский госдепартамент с его атомным папой Джоном Фостером Даллесом во главе. Кстати говоря, этот «мир», состряпавший пресловутый «доклад пяти» по венгерскому вопросу, только что попал в скандальное положение — не кто-нибудь, а специальная комиссия ООН выяснила, что доклад был построен на фальшивках и не стоит ломаного гроша. И самое главное — фразеология Говарда Фаста тоже взята из выступлений мистера Даллеса, так что Фасту может еще быть предъявлено обвинение в плагиате.

Говард Фаст угрожает советским писателям — если, мол, вы не ответите, «спрячетесь в щель молчания и трусости, тогда все научные достижения в мире не дадут вам права на малейшее уважение со стороны человечества». Почему же? Ответим. Во-первых, Говард Фаст, вы попали не по адресу, — вам следует обращаться к венгерским писателям, писателям независимой и свободной республики, являющейся членом ООН; во-вторых, мы, советские писатели, никогда не будем спасать от справедливого суда людей, стреляющих в лицо социалистической республике, потому что они контрреволюционеры и, значит, самые опасные враги свободы, равенства, прогресса; в-третьих, право выступать от имени справедливости надо заработать честностью и порядочностью, а вы, Говард Фаст, такого права не имеете, потому что прежде всего вам следовало осудить со всей резкостью убийц, под пулями и снарядами которых в крови и муках умирали дети и женщины Порт-Саида, осудить вандализм и антисемитизм гитлеровских молодчиков в Будапеште. А вы, забыв об убитых, подстилаете соломку убийцам. И потому даже к вашим прошлым книгам, Говард Фаст, притрагиваться порядочному человеку противно, — вы забрызгали их помоями и грязью, в которые нырнули с головой сегодня...

Таков наш прямой и недвусмысленный ответ Говарду Фасту. Он хотел бы, чтобы социалистический мир, когда его ударят по одной щеке, подставлял другую, чтобы шпионы и диверсанты, которые содержатся по специальной статье американского бюджета, ходили по нашим улицам с автоматами через плечо и устанавливали без помех свои радиостанции на высотных зданиях, чтобы у коммунистов вырезали кожу на спине, а над контрреволюционными садистами витала библейская благодать всепрощения. Ведь именно к этому ведет вся нехитрая логика Говарда Фаста! Но какие бы чернильные операции над социалистическим миром ни совершал Говард Фаст в своей нью-йоркской квартирке, как бы ни прогрессировало его слюноизвержение, как бы ни крякал он в качестве подсадной утки мистера Даллеса, заманивая нас под выстрел «западного охотника», — осуществления своих чаяний ему не дождаться, как не дождаться признания его права говорить от имени всего человечества — права, на которое он усиленно и без всяких оснований претендует.

Между прочим письмо свое Говард Фаст прислал не в Союз писателей, а напечатал в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» с явным расчетом на шум и саморекламу. И это — весьма показательно: свои пьесы и романы, тщательно подготовленные для перевода, свои жалобы на трудности жития под райским древом американской демократии, свои просьбы выслать гонорар, и побольше, Говард Фаст такому почтовому ящику, как газета «Нью-Йорк геральд трибюн», не доверял, а пользовался прямым адресом Союза писателей. Теперь он сменил адрес и рассылки рукописей, и получения гонорара — очевидно, выгоднее...

Что сказать в заключение?

Для литератора, даже меняющего убеждения, существует грань, которую он не может перейти, не потеряв уважения окружающих. Говард Фаст эту грань перешел, Говард Фаст сменил убеждения не в результате трудного и мучительного исследования проблем современности, а как меняют платье — одно на вешалку повесил, другое с вешалки снял. Он мнит себя пророком, этакой самозванной совестью человечества, а на самом деле он, став заурядным ренегатом, превратился в удобный объект эксплуатации для бульварной журналистики — его выжимают быстро и энергично, как апельсин, пока он не прокис окончательно.

Потом — выбросят...

„Литературная газета“ №13
30.I-58 г.